

ДЖЕК ЛОНДОН

ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ · ИГРА · ДЖОН – ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джек Лондон

Лютый Зверь. Игра. Джон – Ячменное Зерно

«ФТМ»
«Издательство АСТ»
1905, 1911, 1913

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лондон Д.

Лютый Зверь. Игра. Джон – Ячменное Зерно / Д. Лондон — «ФТМ», «Издательство АСТ», 1905, 1911, 1913 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-144839-4

Повести, вошедшие в этот сборник, объединены темой страстей, подчиняющих себе мужчин целиком и способных погубить даже сильнейших из них – риск, азарт и алкоголь. Герой повести «Лютый Зверь» – боксер Пат Глендон, выросший в глуши юноша чистой и благородной души, который и не подозревает, какие грязные махинации проворачивает за его спиной ушлый менеджер. «Игра», написанная на основе реальных событий, – драматичная и напряженная история другого молодого боксера Джо и его красавицы невесты Дженевьевы. Они страстно любят друг друга, и скоро их свадьба, – но перед тем, как жениться и уйти с ринга, Джо должен провести еще один матч, который, в случае победы, принесет ему большие деньги. Последний матч! И третья повесть – удивительно честная исповедь Лондона, посвященная его многолетней борьбе с Джоном – Ячменное Зерно, терзавшим его с самых юных лет. В этой борьбе были и успехи, и неудачи, и временные победы, и новые поражения… В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-144839-4

© Лондон Д., 1905, 1911, 1913
© ФТМ, 1905, 1911, 1913
© Издательство АСТ, 1905, 1911, 1913

Содержание

Лютый Зверь 7
Глава I 7
Глава II 9
Глава III 14
Глава IV 16
Глава V 19
Глава VI 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Джек Лондон
Лютый Зверь. Игра.
Джон – Ячменное Зерно

Jack London
The Abysmal Brute
The Game
John Barleycorn

© Перевод. Р. Райт-Ковалева, наследники, 2021
© Перевод. В. Топер, наследники, 2021
© Перевод. В. Лимановская, наследники, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Лютый Зверь

Глава I

Сэм Стюбнер просматривал свою корреспонденцию быстро и небрежно. Как и полагается менеджеру профессионального бокса, он привык к самым разнообразным, самым диковинным письмам. Казалось, не было того чудака спортсмена, любителя бокса или фантазера, который не пытался бы навязать ему свои выдумки. Сэм знал наизусть всю ту нелепую чепуху, какая попадалась ему почти в каждой почте. То это были угрозы – от самой мрачной: покончить с ним раз и навсегда – до более миролюбивой: просто разбить ему морду, – то всякие талисманы – от кроличьей лапки до счастливой подковы, то безответственные предложения каких-то незнакомцев – начиная от заключения пари на незначительные суммы до ставки в четверть миллиона долларов. С тех пор как он однажды получил ремень для правки бритв из кожи линчеванного негра и сморщенный, высохший на солнце палец белого человека, чей труп нашли в Долине смерти, Сэм считал, что вряд ли почтальон сможет еще чем-нибудь удивить его. Но в это утро ему попалось такое письмо, что он перечитал его дважды, сунул в карман, затем снова вытащил и перечитал в третий раз. На штемпеле стояло название какого-то совершенно неизвестного почтового отделения в округе Сискью, а в самом письме было написано вот что:

«Дорогой Сэм!

Вы меня не знаете, разве что по имени. Пришли вы на ринг, когда я уже давным-давно выбыл из игры. Но я от жизни не отстал, верьте слову. Я и за спортом следил и за вами лично с того матча, когда вас нокаутировал Кэл Оуфмен, до вашей последней встречи с Натом Белсоном, и, по-моему, другой такой менеджер, как вы, еще не родился на свет.

И вот я хочу предложить вам одно дело. У меня есть небывалый, замечательный боксер. Я не выдумываю. Тут все чисто, без обмана. Представьте себе силача весом побольше двухсот двадцати фунтов, от роду двадцати двух лет, и с таким ударом, какой мне и в лучшие мои годы не снился. Это мой собственный сын, Пат Глендон-младший, – пусть под таким именем и выступает. Я все обдумал и решил. Самое лучшее, садитесь сейчас же в поезд и приезжайте скорей к нам.

Я сам его воспитал, сам обучил. Я научил его всему, что сам умел. Верите ли, он теперь лучше меня все знает. Он родился боксером. По быстроте, по глазомеру он чудо природы. До секунды чувствует время, до дюйма знает дистанцию, – ему и думать не надо. У него самый короткий удар сильнее полного свинга всяких мазил.

Вот говорят: «Надежда белых». Это про него. Приезжайте, сами посмотрите. Помню, вы любили поохотиться, еще когда разъезжали с Джеффрисом. Приезжайте, и я вам тут устрою такую охоту, такую рыбную ловлю, что перед ними всякие ваши киносъемки побледнеют. Пошлю с вами Пата-младшего. Я-то уже не ходок, потому и вызываю вас сюда. Сначала я сам собирался вывести его на ринг, но ничего не выходит. Я совсем сдал, видно, скоро мне нокаут. Так что поторапливайтесь. Хочу передать его вам. Для вас обоих это дело – клад. Только уж контракт я составлю сам.

С уважением, ваш Пат Глендон».

Стюбнер не знал, что и подумать. С первого взгляда все это было очень похоже на попытку разыграть его – боксеры, как известно, великие шутники и, вчитываясь в письмо, он пытался разглядеть в нем тонкий почерк Корбетта или тяжелую добродушную лапу Фитцсиммонса. Но если письмо не подделка, то стоило им заняться, – это было ясно. Пата Глендона он уже не застал среди боксеров, хотя однажды, еще совсем мальчишкой, он видел, как Пат тренировался с Джеком Демпсеем. Его и тогда уже звали Старый Пат, и он уже давно сошел с ринга. Он появился еще при Салливене и начал выступать, когда в ходу были лондонские правила бокса, и только на исходе своей карьеры уже дрался по новейшим правилам маркиза Куинсберри.

И разве был хоть один любитель бокса, который не слышал бы о Пате Глендоне? Конечно, теперь мало осталось людей, видевших его в расцвете славы, да и тех, кто вообще видел его, уже осталось немного. Однако его имя вошло в историю бокса, и не было справочника, где бы оно не упоминалось. Правда, слава его была какая-то необычная. Он был в чести, как никто другой, но ни разу не стал чемпионом. Ему очень не везло, и его считали боксером-неудачником.

Четыре раза он чуть не завоевал звание чемпиона в тяжелом весе, и, надо сказать, вполне по заслугам. В первый раз на барже в Сан-Франциско, но в тот момент, когда его противник совсем было сдался, Пат вывихнул руку. Потом на островке, на Темзе, когда вода поднялась до шести дюймов, он вдруг в такой же момент – перед самой победой – сломал ногу. Всем памятен и провал матча в Техасе: там полиция устроила облаву как раз в ту минуту, когда Пат взял своего соперника в оборот. И, наконец, в том бою в Сан-Франциско в клубе железнодорожников, когда Пата с самого начала исподтишка подсиживал судья – подлец и бандит, которого подкупила компания игроков, ставивших на противника Пата, Пат Глендон в этой встрече дрался благополучно, но когда он нокаутировал своего соперника ударом правой в челюсть, а левой – в солнечное сплетение, судья спокойно дисквалифицировал его за запрещенный удар. Все секунданты, все специалисты по боксу, весь спортивный мир – все знали, что ни о каком неправильном ударе и речи быть не могло. Но по боксерским традициям Пат Глендон согласился признать решение судьи. Пат принял его и отнес и эту неудачу на счет своего обычного невезения.

Таков был Пат Глендон. Стюбнера смущало только одно: кто написал письмо – Пат или не Пат? Он захватил письмо с собой на работу. «Где Пат Глендон и что с ним сталось?» – спрашивал он в это утро у всех спортсменов. Но никто ничего не знал. Некоторые думали, что Пат умер, хотя наверняка никто этого не утверждал. Редактор спортивного отдела одной из утренних газет просмотрел свой архив и не нашел никаких сообщений о смерти Пата. Узнал Стюбнер о нем только от Тима Доновена.

– С чего ему помирать? – заявил Доновен. – Разве такой помрет, с его силищей, да еще если он не пил и вообще жил тихо, мирно. Он много зарабатывал и зря денег не мотал – все копил и выгодно пускал в оборот. Знаете, сколько у него было салунов? Целых три! А какую кучу денег он за них получил! Погодите, вот тогда-то я и виделся с ним в последний раз, когда он все распродал. Лет двадцать прошло, а то и больше. Жена у него только-только скончалась. Мы встретились у парома, и я спросил у Пата:

– Ты куда, старина?

– Подамся в леса, – ответил он. – Я все бросил! Прощай, Тим, дружище!

Больше я его с той поры не видел. Но жив-то он безусловно!

– Говоришь, у него жена умерла? – спросил Стюбнер. – А ребята у него были?

– Был один, совсем, еще маленький. Он его нес на руках, когда я его встретил.

– Мальчик?

– А я почем знаю!

Вот тут-то Сэм Стюбнер и решился окончательно и вечером уже летел курьерским в самую глушь Северной Калифорнии.

Глава II

Ранним утром Сэм Стюбнер соскочил с поезда на глухом полустанке Дир-Лик и целый час околачивался на улице, пока не открыли единственный местный салун. Нет, хозяин заведения ничего не знал о Пате Глендоне, даже и не слышал о нем. Наверно, живет где-нибудь в горах, если вообще тут есть такой. И сидевшему тут же завсегдатаю салуна тоже ничего не было известно о Пате Глендоне. Не знали о нем и в гостинице. И только когда открылись почта и лавка, Стюбнеру удалось напасть на след. Конечно, Пат Глендон живет тут, только это бог знает где! Надо ехать сорок миль дилижансом до Олпайна – это лагерь дровосеков, от Олпайна верхом, по Антилопьей долине, а там – через перевал, к Медвежьему ручью. Где-то за ручьем и живет этот Глендон. В Олпайне вам скажут, где. Да, есть и сын, тоже Пат. Лавочник его видел. Он приезжал в Дир-Лик года два назад. Старого Пата уже лет пять не видно. Бывало, покупал все припасы в лавке и платил чеками. Седой такой старик, чудаковатый. Больше лавочник ничего не знал, но сказал, что в Олпайне ребята направят Сэма куда надо.

Стюбнер был очень доволен. Значит, действительно существует Пат Глендон-младший, и живут они со стариком в горах.

Переночевав у дровосеков в Олпайне, Сэм на рассвете выехал на индейской лошаденке вверх по Антилопьей долине и, перебравшись через перевал, спустился к Медвежьему ручью. Ехал он весь день – никогда не доводилось ему бывать в таких диких, глухих местах – и только к вечеру стал подыматься вверх по долине Пинто, по такой узкой и крутой тропе, что не раз приходилось слезать с лошади и идти пешком.

К одиннадцати часам ночи он остановился у бревенчатого дома, где два огромных волкодава встретили его оглушительным лаем, но тут открылась дверь, и Пат Глендон бросился ему на шею и потащил в дом.

– Знал, что ты приедешь, Сэм, братец ты мой! – приговаривал Пат, ковыляя по комнате, пока не разгорелся огонь, не вскипел кофе и не поджарился огромный кусок медвежатины. – Мой малый сегодня на ночь не вернется. У нас мясо вышло, он и пошел с вечера пострелять оленей. Больше я про него ни слова не скажу – сам увидишь, вот погоди! Утром, как вернется, ты его прощупаешь… Вон и перчатки висят. Погоди, сам увидишь!

…Я-то человек конченый. Восемьдесят первый год пошел с января. Для старого бойца не так-то плохо. Да я себя всегда берег, Сэм, по ночам не шлялся, свечку, как говорится, с двух концов не жег. Много мне было дано. Посмотри на меня и сам скажи, плохо я сохранился, а? Я и сына так воспитал. Только подумай: ему двадцать два года, а он ни разу в жизни не выпил и вкуса табака не знает! Вот он какой у меня! Ростом – великан; всегда жил на воле. Вот подожди, он возьмет тебя с собой на охоту. Ты налегке пойдешь – и запыхаешься, а он будет нести все снаряжение да еще громадного оленя в придачу – и хоть бы что… Вырос на воздухе, ни зимой, ни летом под крышей не спал. Всегда его учил: вольный воздух – вот главное! Меня только это и беспокоит: как он привыкнет спать в доме, как выдержит прокуренный воздух на ринге? Страшная это штука – табачный дым когда разойдешься в бою, а воздуха не хватает. Ну ладно, Сэм, братец мой, хватит болтать, тебе спать пора. Устал, наверно? Погоди-ка, увидишь его, только погоди!..

Но на старости лет Пат стал болтлив и долго не давал Стюбнеру заснуть.

– Он может оленя загнать на бегу, мой малый, – снова заговорил старик. – Нет лучше тренировки для легких, чем охотничья жизнь. Он мало чего знает, хоть и читал всякие книжки, даже стишки почитывает. Настоящее дитя природы. На него только взглянешь – сразу поймешь. Закваска в нем старая, ирландская. Иногда посмотрю на него – витает где-то, мечтает! Ну, думаю, не иначе, как верит во всякую чертовщину – в разных фей там, или леших. А природу любит, как никто, и города боится. Он про все читал, а сам нигде, кроме как в Дир-Лике,

и не был. Очень ему не понравилось, что там людей много. «Не мешало бы, – говорит, – прополоть их хорошенько». Побывал там года два назад – в первый раз увидел настоящий поезд, – а больше нигде и не был.

…Иногда мне думается: может, зря я его воспитал таким дикарем? Но зато у него и дыхание, и выдержка другие, и сила, как у быка. С ним ни одному городскому человеку не совладать. Конечно, скажем, Джеффрис, когда он был в форме, тот еще мог бы слегка потрепать мальчишку, но именно слегка… Мой сломил бы его, как соломинку. А ведь с виду никогда не скажешь. Прямо чудо какое-то! С виду он просто красивый малый – молодой, сильный. Но у него мышцы не такие, как у всех. Погоди, сам увидишь, все поймешь.

…Удивительно, до чего он любит всякие там цветочки, лужайки или сосны, когда на них месяц светит, или еще облака на закате; а то смотрит с Лысой горы, как солнце встает. И вечно его тянет рисовать картинки или бормотать стишки – про Люцифера, про ночь… Ему книжки давала рыженькая учительница. Но это, конечно, по молодости лет. Он втянется в игру, нам бы только направить его. Вначале, пока не привыкнет жить в больших городах, он, может, и поворчит малость, – ты будь к этому готов.

…Хорошо, что он женщин боится. Он о них и думать не станет в ближайшие годы. Ничего в них не понимает, в этих существах, да и не видал их почти совсем. Была тут одна учительница с Самсоновой поляны, та, которая ему голову забила стишками. Влюбилась в парня, как сумасшедшая, а он ни черта не понимал. Волосы у нее были – чистое золото… Сама не здешняя, а оттуда, из долины. Дальше – больше, совсем голову потеряла, так и бегала за ним, бесстыдница. И что же, по-вашему, этот мальчишка выдумал, когда понял, что делается? Перепугался хуже зайца! Схватил одеяла, ружье и удрал в самую глушь, в леса. Целый месяц я его не видел. Потом он как-то прокрался домой ночью, а на рассвете опять удрал. На письма ее и смотреть не хотел. «Сожги ты их», – говорит. Ну я, конечно, все сжег. Два раза она приезжала к нам верхом, – это с самой Самсоновой поляны! До чего мне ее жаль было, бедняжку! По лицу было видно, истосковалась она по мальчишке. А через три месяца бросила школу и уехала к себе на родину. И только тогда малый совсем вернулся ко мне сюда, домой.

Да, многих хороших боксеров сгубили женщины. Но с ним этого не случится. Он краснеет, как девчонка, стоит только какой-нибудь молоденькой мигнуть ему разок-другой или просто посмотреть попристальней. А на него все так и заглядываются. Зато когда он дерется – ох, как он дерется, боже ты мой! В нем ирландская кровь закипает, дикая кровь, так и бросается ему в кулаки! И не то чтобы он терял выдержку. Как бы не так! У меня даже в молодости такого хладнокровия не бывало. Боюсь, что только от вспыльчивости со мной и случались всякие несчастья. Но он, как льдина! Лед, а под ним огонь. Будто электрический провод под током в холодильнике.

Стюбнер совсем задремал, но проснулся от бормотания старика. Сквозь сон он стал слушать, что тот говорит:

– Да, я сделал из него настоящего человека, клянусь богом! У него и кулаки настоящие, и ноги крепкие, и глаз отличный. Я-то знаю бокс. И от времени не отстаю, слежу за всеми новшествами! Говоришь, низкая стойка? Ясно, знает, – он все стили знает, все приемы, как экономить силу: никогда не сдвинется на два дюйма, если можно на полтора. Захочет – прыгнет, как кенгуру. А ближний бой! Сам увидишь, погоди! Лучше, чем на дальней дистанции, а ведь он наверняка потягался бы с Питером Джексоном[1] и превзошел бы Корбетта[2] в самом его расцвете. Говорю тебе: я его всему научил, нет такого трюка, чтобы он не знал; но он ушел еще дальше. Он в боксе просто гений. А здесь, в горах, у него было на ком себя испытать – силачей тут сколько угодно! Я его обучил всем тонкостям, а они показали, что значит драться. Дума-

[1] Джексон Питер (1861–1901) – австралийский боксер-тяжеловес. – *Здесь и далее примеч. ред.*

[2] Корбетт Джеймс Джон (1866–1933) – американский боксер, чемпион мира в супертяжелом весе.

ешь, они с ним стеснялись или деликатничали? Так стиснут в клинче, так швырнут в схватке, что впору дикому медведю или бешеному быку. А он с ними играет. Ты слышишь? Играет, как мы с тобой играли бы со щенками!

Стюбнер опять заснул, но вскоре проснулся от голоса старика.

– И самое смешное – ведь он не принимает бокс всерьез. Ему все это до того легко дается, что для него это вроде забавы. Но погоди, пусть-ка ему подвернется сильный противник. Ты только погоди, вот увидишь! Он как включит ток в этом своем холодильнике, как пойдет бить по всем правилам искусства… Нет, ты такой красоты еще не видел!

В зябком рассвете горного утра старик вытащил Стюбнера из-под одеяла и хрипло шепнул:

– Вон он идет по тропке! Скорей, иди, взгляни на лучшего боксера в мире, таких ринг еще не видал и через тысячу лет не увидит!

Менеджер выглянул в открытую дверь, протирая заплывшие от сна глаза, и увидел, как на просеку вышел молодой гигант. В одной руке он нес ружье, на плечах у него лежал огромный олень, но шел он так, будто добыча ничего не весила. На нем был грубый синий комбинезон без куртки, расстегнутая у ворота шерстяная рубашка и мокасины вместо башмаков. Стюбнер заметил, что ступал он легко, как кошка; совсем, не чувствовалось, что он весит двести двадцать фунтов, не считая тяжелой ноши. На менеджера он сразу произвел огромное впечатление. Сила действительно потрясающая. Но к тому же в нем было что-то необыкновенное, особенное. Это был новый, еще не виданный тип бойца. Он больше походил на сказочного великана или героя старинной народной легенды, блуждающего по ночам в лесных дебрях, чем на обыкновенного юношу двадцатого века.

Стюбнеру вскоре пришлось убедиться, что Пат-младший не очень-то разговорчив. Он молча пожал гостю руку, когда старик их познакомил, и так же молча принялся за работу – развел огонь, приготовил завтрак. На прямые вопросы отца он отвечал односложно, и когда тот спросил, где он убил оленя, только обронил: «На Южном перевале».

– Одиннадцать миль по горам, – с гордостью пояснил Стюбнеру старик. – А тропа такая, что сердце может лопнуть!

Завтракали черным кофе, лепешками и огромными кусками медвежатины, зажаренной на углях. Молодой Пат вовсю уплетал жаркое, и Стюбнер понял, что оба Глендона привыкли жить почти на одной мясной пище. Весь разговор вел Пат-старший; но только после еды он заговорил о том, что у него лежало на душе.

– Пат, сынок, – начал он, – знаешь, кто этот джентльмен?

Пат-младший кивнул, и его умный взгляд на миг остановился на госте.

– Так вот, он заберет тебя с собой в Сан-Франциско.

– Лучше я останусь тут, отец, – ответил Пат.

Стюбнера кольнуло разочарование. Видно, он зря сюда тащился. Какой же это боксер, если ему и драться неохота! Правда, он силач, но мало ли что! Старая история! Вот такие-то великаны чаще всего и обрастают жирком от лени.

Но в старике вдруг вспыхнула ярость древних кельтов. Голос его зазвучал повелительно и грозно:

– Нет, ты поедешь в город и будешь драться, слышишь? Для того я тебя и учил, чтобы ты дрался!

– Ладно! – неожиданно грудным баском пробурчал молодой человек.

– И дрался, как черт! – добавил старик.

И снова Стюбнер с разочарованием заметил, что глаза парня не вспыхнули, не загорелись задором, когда он ответил:

– Ну ладно. Когда едем?

– Сэм сначала поохотится тут у нас, половит рыбку, да и тебя испытает. – Старик посмотрел на Стюбнера, тот утвердительно кивнул. – Ну-ка, раздевайся, покажи ему себя!

Не прошло и часа, как Стюбнеру все стало ясно. Сам бывший боксер, к тому же тяжеловес, он был отличным знатоком боксеров, но никогда еще он не видел такого великолепного тела, как у Пата-младшего.

– Ты погляди, какая в нем упругость, – Пат-старший разливался соловьем, – все настоящее, то, что нужно. А какой разворот плеча, а легкие какие! Весь насквозь чистый, как стеклышко. Вот перед тобой человек, Сэм, каких и в природе не бывало! Все мускулы высвобождены. Это тебе не борец из цирка или гимнаст какой-нибудь! Смотри, какие у него мышцы круглые, – ну чем, не змеи, так и переливаются, так и сворачиваются клубком. Вот погоди, увидишь, как они развернутся для удара, – что твоя гремучая змея! Он хоть сейчас выдержит сорок раундов, а то и все сто! Ну-ка, начинай! Засекаю время!

Они начали. Несколько трехминутных раундов с минутными перерывами – и все опасения Стюбнера как рукой сняло. Ни следа лени, никакой апатии, просто добродушная, неторопливая игра перчатками, увертки – и вдруг – ловкий, точный удар, сильная, острая защита при столкновениях – так дерутся только отлично тренированные, прирожденные боксеры.

– Потише, сынок, потише! – предостерег старик. – Сэм уже не тот, что был…

Сэм был явно задет, а Пат-старший только этого и добивался, – и в ход был пущен самый знаменитый прием Стюбнера, самый любимый его удар: ложный клинч и внезапный выпад прямо в живот. Но, несмотря на молниеносную быстроту, Пат-младший сразу понял и успел отскочить, ослабив силу удара. В следующий раз он уже не стал увертываться, двинулся прямо под удар и подставил левое бедро. Всего каких-нибудь несколько дюймов, но удар был парирован. С этой минуты Сэму не помогали никакие ухищрения: каждый раз его перчатка натыкалась на бедро Пата.

Стюбнеру не раз приходилось меряться силами с крупными боксерами, и на пробных матчах он всегда умел постоять за себя. Но тут и речи об этом не могло быть. Пат-младший просто играл с ним, и в клинче Сэм чувствовал себя беспомощным младенцем, – тот делал с ним, что хотел: мастерски брал его в обхват, точным и ловким маневром загонял в угол и при этом как будто даже не замечал его существования. Казалось, что Пат-младший вообще смотрит по сторонам и мечтательно любуется природой. И тут Стюбнер сделал еще одну ошибку. Он решил, что это прием, которому Пат-старший научил сына, и попытался незаметно дать короткий удар с близкой дистанции, но тут же его руку молниеносно зажали и за все старания еще ударили по уху.

– Чутье на удар! – рассмеялся старик. – И не притворяется, ей-богу! Он просто колдун. Чует удар не глядя, чувствует, откуда идет и куда метит; и быстроту, и дистанцию, и силу, и точность – все чувствует. Я его и не учил этому. Все сам, по вдохновению. У него это врожденное.

Раз, в клинче, Стюбнер двинул перчаткой в рот Пата-младшего, и тот ощутил какую-то злобу в этом прикосновении. Еще минута – и в новом клинче Сэм почувствовал перчатку Пата на своих губах. Удар был несильный, однако этот нажим, неторопливый, но упорный, заставил Сэма так откинуть голову, что все суставы затрещали, и на миг он подумал, что повредил себе шею. Он обмяк всем телом, опустил руки в знак того, что сдается, и с внезапным облегчением, шатаясь, отошел в сторону.

– Он… он молодчина! – пробормотал Сэм, задыхаясь; и хоть у него не хватало дыхания для слов, по лицу было видно, в каком он восхищении.

В глазах старика блеснули слезы торжества и гордости.

– Ну, а как, по-твоему, что он сделает, если какой-нибудь мерзавец вздумает подшутить над ним и пустит в ход запрещенные приемы?

– Он такого на месте уложит, будьте покойны, – сказал Стюбнер.

– Вряд ли! Слишком уж он хладнокровен. А проучить за грязные проделки – это он проучит!

– Что ж, давайте составим контракт! – предложил менеджер.

– Погоди, ты раньше узнай ему настоящую цену! – возразил Пат-старший. – Условия я поставлю нелегкие. Пойди поохоться с ним в горах, проверь его выдержку, дыхание. Тогда и подпишем по-настоящему, как говорится нерушимый договор.

Два дня провел Стюбнер на охоте и за эти дни увидел все, что сулил ему старик, и даже больше, и вернулся очень усталый и очень присмиревший. Стюбнер был человек бывалый, и его очень удивила полнейшая наивность юноши в житейских делах, хотя он отлично понял, что малый далеко не дурак. Правда, ум у него был совсем нетронутый, кругозор ограничен замкнутой жизнью в горах, но в нем чувствовалась врожденная проницательность и незаурядная смекалка.

Одно в нем было для Стюбнера загадкой: его потрясающее, непоколебимое спокойствие. Его ничем нельзя было разозлить, вывести из себя, – в нем жило какое-то первобытное неисчерпаемое терпение. Он ни разу не выругался даже теми бесцветными, невыразительными словечками, какими бранятся примерные мальчики.

– Захотел бы – выругался б, – объяснил он, когда Сэм стал его поддразнивать. – Только зачем мне ругаться? А понадобится – сумею!

Пат-старший попрощался с ними на пороге своей хижины:

– Скоро буду читать про тебя в газетах, Пат, сынок. Мне бы и самому хотелось поехать, да, пожалуй, я уж отсюда до конца жизни не выберусь.

Потом, отозвав менеджера в сторону, он надвинулся на него и сурово проговорил:

– Помни, что я тебе долбил не раз и не два. Малый он чистый, честный. Он даже не подозревает, сколько грязи в боксерском деле. Я все от него скрыл, понимаешь? Он и не знает, какие бывают сделки. Для него бокс – это отвага, романтика, путь к славе, – не зря я ему рассказывал о прежних героях ринга; и только одному богу известно, почему в нем все-таки не разгорелась настоящая страсть к боксу. Но ты пойми: я скрывал от него газетные сплетни о состязаниях, вырезал их тайком, а он думал, что я их берегу как память! Он не знает, что боксеры нарочно сговариваются, сдаются. Смотри же, не путай его в грязные делишки! Не вызови в нем отвращения. Для того я и включил пункт о недействительности договора: первое жульничество – и договор расторгается. Никаких полюбовных дележей, никаких тайных сговоров с кинооператорами насчет заранее намеченных дистанций и прочее. Денег у вас обоих будет куча. Только веди игру честно, не то все потеряешь! Понял?

– А ты всегда помни одно: что бы ни делал – берегись женщин, – наставительно сказал старик сыну, когда тот уже вскочил в седло и покорно придержал лошадь, чтобы выслушать отца. – В женщинах – грех и погибель, помни это! Но уж если найдешь ту самую, единственную и настоящую, держи ее крепче! Такая дороже славы, дороже денег. Только сначала проверь себя, а когда проверишь – не упускай ее! Хватай обеими руками и держи крепче! Держи, хоть бы тут конец света настал! Да, Пат, да, сынок, хорошая женщина – это… это… – ну, словом, хорошая женщина. Вот тебе мое первое и последнее слово!

Глава III

По приезде в Сан-Франциско для Сэма Стюбнера начались беспокойные дни. И не то, чтобы Пат-младший злился или ворчал, как боялся его отец, – наоборот, он был удивительно приветлив и покладист. Но он тосковал по родным горам. И, конечно, в глубине души он был потрясен огромным городом, хотя даже в грохоте улиц умудрялся сохранять невозмутимое спокойствие краснокожего индейца.

– Я приехал сюда биться, – заявил он через неделю. – Где ваш Джим Хенфорд?

Стюбнер насмешливо свистнул.

– Да такой великий чемпион на тебя и не взглянет! «Сначала создай себе имя!» – вот что он скажет.

– Я могу его побить!

– Но публика-то этого не знает. Если бы ты его побил, ты стал бы чемпионом мира, а разве за одно состязание можно стать чемпионом?

– Мне можно.

– Да ведь публике это неизвестно, Пат. Никто не придет на твое выступление. А большой сбор, деньги дает только зритель, толпа. Вот почему ты для Джима Хенфорда пустое место. Какой ему смысл с тобой возиться? Кроме того, он сейчас выступает в обозрении – три тысячи в неделю, договор на полгода. Думаешь, он все бросит для встречи с человеком, о котором никто и слыхом не слыхал? Тебе сначала надо выступить, сделать себе имя. Надо начать с мелочи, с местных мазил, о которых никто ничего не знает, – таких, как Пузан-Коллинз, Летучий Голландец, Келли-Буян. Расправишься с ними – значит, подымешься на первую ступеньку. А потом уже взмоешь вверх, как воздушный шар.

– Так давайте этих трех, вот про которых вы сказали. В один вечер всех подряд. – Голос Пата звучал решительно. – Устраивайте-ка поскорее!

Стюбнер рассмеялся.

– Чего вы? Думаете, не справлюсь?

– Справиться ты справишься, – уверил его Стюбнер. – Но так дело не делается. Надо их выбить с ринга по очереди. Помни одно: бокс я знаю насквозь, и я твой менеджер. Тут нужна постепенность, подготовка, а я в таких делах дока. Если нам повезет, годика через два будешь чемпионом и богачом.

Пат грустно вздохнул, но тут же лицо его просветлело, и он сказал:

– И тогда можно будет все бросить и вернуться домой, к моему старику.

Стюбнер хотел возразить, но удержался. Хоть он и чудак, этот кандидат в чемпионы, однако Сэм был уверен, что, стоит мальчику достигнуть славы, он станет таким же, как и все его предшественники. Да и мало ли что будет через два года, а до тех пор надо было многое сделать.

Но когда Пат затосковал и начал бесцельно слоняться по комнатам или без конца читать стихи и романы, взятые из библиотеки, Стюбнер отправил его на дальнее ранчо, по ту сторону залива, под бдительный надзор Спайдера Уолша. Через неделю Спайдер сообщил по секрету, что «надзирать» за малым нечего. С утра до вечера он пропадает в горах, ловит форелей в речках, стреляет перепелов и зайцев и гоняется за тем самым знаменитым оленем-одиночкой, которого вот уже лет десять не мог взять ни один охотник; Спайдер толстел и жирел, а его питомец оставался в полной форме.

Как и ожидал Стюбнер, все владельцы боксерских клубов подняли его на смех с его «новичком». Да их в глуши сколько угодно, этих «новичков», и у всех зуд – стать чемпионом. Ладно, можно дать ему пробный матч, раунда на четыре. А настоящее выступление – нет, не выйдет! Но Стюбнер твердо решил, что Пат-младший будет дебютировать только в настоящем

состязании; и, в конце концов благодаря своему имени Сэм этого добился. Очень неохотно Воскресный клуб согласился дать Пату Глендону матч на пятнадцать раундов с Келли-Буяном и сто долларов победителю. Молодые боксеры часто принимали имена ветеранов ринга, поэтому никто не подозревал, что Пат был сыном великого Пата Глендона. Стюбнер до поры до времени молчал. Эту сенсацию эффектней будет пустить для рекламы позже.

Наконец после месяца ожиданий наступил вечер матча. Стюбнер волновался не на шутку. Вся его профессиональная репутация зависела от того, как покажет себя Пат. И он был поражен, когда увидел, что Пат, просидев пять минут в своем углу на ринге, вдруг из свежего и румяного стал совсем бледным до какой-то болезненной желтизны.

– Смелей, братец! – Стюбнер хлопнул его по плечу. – В первый раз на ринге всегда страшно, а Келли нарочно заставляет противника ждать, – авось, его возьмет страх перед публикой.

– Нет, – сказал Пат, – тут накурено. Я не привык, меня мутит от табака.

У Сэма словно гора спала с плеч. Если человеку становится плохо от неуверенности, от нервов, то, будь он хоть Самсоном, ему никогда не видать славы на ринге. А к табачному дыму малый должен будет привыкнуть – вот и все.

Появление Пата на ринге было встречено молчанием, но, когда под канат пролез Келли-Буян, раздался рев приветствий. Видно, Буяна не зря прозвали так. Свирепый, весь обросший черными волосами, с громадной узловатой мускулатурой, он весил, наверно, не меньше двухсот фунтов. Пат с любопытством посмотрел на него, и тот в ответ злобно нахмурился. Их представили публике, они пожали друг другу руки. И когда их перчатки встретились, Келли злобно скрипнул зубами, лицо его исказилось, и он проворчал:

– Хватает же у тебя нахальства! – Он грубо отбросил руку Пата. – Я тебя съем, щенок!

Зрители захохотали, увидев этот жест; посыпались веселые выкрики – каждый старался угадать, что сказал Келли.

Сидя в углу в ожидании гонга, Пат спросил Стюбнера:

– За что он на меня злится?

– Да он не злится, – ответил тот, – это у него такой прием, пробует запугать. Всегда так болтают.

– Какой же это бокс! – бросил Пат; и Стюбнер, взглянув на него, заметил, что глаза у мальчика невозмутимо синие, как всегда.

– Осторожней! – предупредил Сэм, когда прозвучал гонг к первому раунду и Пат вскочил на ноги. – Он может наброситься, как людоед.

И верно, Келли ринулся вперед, как разъяренный людоед, одним махом пролетев через весь ринг. Пат спокойно и легко вышел на несколько шагов, рассчитал дистанцию, развернулся и сделал выпад правой прямо в челюсть Келли, потом остановился и с нескрываемым любопытством посмотрел на него. Матч кончился. Келли рухнул, как убитый бык, и лежал неподвижно, пока судья, наклонившись над ним, отсчитывал полагающиеся десять секунд. Когда секунданты Келли подошли поднять его, Пат их опередил. Он взял на руки огромное неподвижное тело, отнес в угол и, опустив на стул, сдал на руки секундантам.

Через полминуты Келли поднял голову и заморгал, бессмысленно озираясь по сторонам, потом посмотрел на секунданта и хрипло пробормотал:

– Что это стряслось? Потолок обвалился, что ли?

Глава IV

После победы над Келли, хотя все и считали ее случайностью, Пат встретился с Руфом Мейсоном. Встреча произошла через три недели, и публика Сиерра-клуба даже не успела разглядеть, что в сущности произошло. Руф Мейсон был тяжеловес, прославившийся в своем кругу ловкостью и хитростью. Когда прозвучал первый гонг, противники встретились посреди ринга. Оба не торопились. Ни одного удара – они кружили друг около друга, согнув руки в локтях, так близко, что их перчатки почти соприкасались. Это продолжалось секунд пять. И вдруг что-то случилось, да так быстро, что из ста присутствующих, быть может, понял только один. Руф Мейсон сделал ложный выпад правой. Выпад, очевидно, был не совсем ложный, скорее это была угроза, предвещавшая атаку. Вот в этот момент Пат пустил в ход свой удар. Бойцы стояли так близко, что кулак Пата прошел не больше восьми дюймов. Короткий прямой толчок левой от плеча – вот и все. Удар пришелся прямо в подбородок, и обалдевшая публика увидела только, как у Руфа Мейсона подкосились ноги и он упал на пол. Но судья понял все и стал быстро считать секунды. И снова Пат отнес своего противника на его место; и прошло чуть ли не десять минут, пока Руф Мейсон, к великому удивлению недоумевающих, растерянных зрителей, смог двинуться при поддержке секундантов по проходу к себе в уборную, согнувшись в три погибели, вращая остекленелыми глазами и не разгибая колен.

– Теперь я понимаю, почему Келли решил, что на него обвалился потолок, – заявил Мейсон репортеру.

Но после того как Пузан-Коллинз был выбит с ринга на двенадцатой секунде пятнадцатираундового матча, Стюбнеру пришлось поговорить с Патом.

– Знаешь, как тебя называют? – спросил он.

Пат пожал плечами.

– Глендон-Вышибала.

Пат вежливо усмехнулся. Его совершенно не интересовало, какие ему дают прозвища. Ему надо было выполнить определенную задачу, прежде чем, удастся вернуться в любимые горы, и он равнодушно делал то, что положено.

– А так нельзя, – менеджер многозначительно покачал головой. – Не годится вышибать противника так быстро. Надо дать ему больше возможностей, больше времени.

– А для чего же я дерусь? – удивился Пат.

Стюбнер снова покачал головой.

– Пойми, в чем дело, Пат. В боксе надо быть человеком широким, великодушным. Зачем обижать других боксеров? И по отношению к публике это нечестно. Они хотят побольше видеть за свои деньги. Да, кроме того, с тобой никто не захочет драться. Ты всех распугаешь. И разве соберешь публику на десятисекундный бой? Сам посуди: разве ты стал бы платить доллар, а то и пять, чтобы десять секунд смотреть на бокс?

Этот довод убедил Пата, и он пообещал, что в будущем публика за свои деньги сможет смотреть на бой подольше, хотя добавил, что он лично предпочел бы пойти на рыбную ловлю, чем сидеть и глазеть на сто раундов бокса.

И все же Пат ничего путного еще не добился. Завсегдатаи бокса только смеялись, когда слышали его имя. Сразу вспоминались его нелепые победы и ядовитое замечание Келли насчет обвала потолка. Никто не знал, как он умеет драться, его не видели в бою. Какое у него дыхание, какая выдержка, как он сможет выстоять против сильных, грубых противников в долгих, изматывающих схватках. Пока знали только, что у него отличный удар и что ему отчаянно, непростительно везет.

В такой обстановке и было организовано четвертое выступление Пата – встреча с португальцем Питом Соссо, боксером, бывшим мясником, который славился на ринге больше всего

тем, что выкидывал неожиданные трюки. К этому бою Пат не тренировался. Ему пришлось срочно поехать в горы и с болью в душе похоронить отца. Видно, старик знал, что сердце у него выдержит недолго; оно и остановилось сразу, как часы.

Пат-младший едва поспел в Сан-Франциско к самому началу матча, так что ему пришлось прямо с поезда идти переодеваться для боя, да и то публика ждала минут десять.

– Помни же, дай ему возможность подраться, – предупредил Стюбнер, когда Пат нырнул под канат. – Поиграй с ним всерьез десять, а то и двенадцать раундов, а потом бери его!

Пат послушно выполнил указание. И хотя ему было бы очень легко нокаутировать Соссо, тот был так хитер и ловок, что Пату гораздо труднее было не поддаться ему и вместе с тем его не трогать. Зрелище было великолепное, публика пришла в восторг. Все искусство Пата потребовалось на то, чтобы отражать молниеносные атаки Соссо, его бешеные выпады, отступления и наскоки, и молодому боксеру все-таки досталось как следует.

В перерывы Стюбнер хвалил Пата, и все пошло бы отлично, если бы на четвертом раунде Соссо не выкинул один из своих ошеломляющих трюков. Когда Пат в одной из схваток отбил Соссо хуком в челюсть, тот, к величайшему удивлению юноши, опустил руки и стал отступать, выпучив глаза и еле держась на ногах, как пьяный. Пат ничего не понимал. Удар был совсем слабый, а противник, казалось, вот-вот упадет на пол. Пат тоже опустил руки, растерянно следя за оглушенным противником. Соссо отступал, покачиваясь и трясясь, чуть не упал, но удержался на ногах и подался вперед боком, словно вслепую.

И тут, в первый и последний раз за всю свою боксерскую карьеру, Пат был застигнут врасплох. Он даже посторонился, чтобы дать пройти оглушенному Соссо. И вдруг тот, все еще шатаясь, сделал выпад правой. Кулак попал Пату прямо в челюсть, так что у него все зубы затрещали. Зрители взревели от восторга. Но Пат ничего не слышал. Он только видел перед собой презрительно ухмыляющегося Соссо, – теперь-то он ничуть не шатался! Пату было больно, но еще больше он разозлился за подлый трюк. Вся ярость, унаследованная от отца, вдруг вспыхнула в нем со страшной силой. Он тряхнул головой, как будто приходя в себя, и надвинулся на противника. Это был молниеносный выпад: сперва Пат отвлек внимание Соссо, потом ударил левой по солнечному сплетению и одновременно – правой в челюсть. Этот удар разбил Соссо рот, прежде чем португалец рухнул на пол. Полчаса клубные врачи не могли привести его в чувство. Потом они наложили на губы Соссо одиннадцать швов и отправили в больницу.

– Нехорошо вышло, – сказал Пат своему менеджеру. – Зря я так вспылил. Больше со мной на ринге этого не будет. Отец всегда предостерегал меня, говорил, что сам был такой, оттого и проигрывал. Не думал я, что могу так вспылить. Теперь-то я знаю, что надо держать себя в руках.

И Стюбнер ему поверил – теперь он уже верил своему питомцу решительно во всем.

– Чего же тебе злиться, – сказал он. – Все равно ты можешь побить любого.

– В любую секунду и на любой дистанции, – подтвердил Пат.

– Когда захочешь, тогда и нокаутируешь, верно?

– Конечно. Не хочу хвастать, но это у меня врожденное. Сразу вижу, что надо делать, и делаю верно. Чувство времени и глазомер у меня – вторая натура. Отец, бывало, говорил: «Это талант». А я думал – он меня дурачит. Теперь, когда я потягался с другими боксерами, понимаю, что он был прав, когда говорил, что у меня полная координация мозга и мышц.

– Значит, в любую секунду и на любой дистанции? – задумчиво повторил Стюбнер.

Пат только кивнул в ответ, и Стюбнер, сразу и безоговорочно поверив ему, вдруг увидел перед собой такое блистательное будущее, что старик Пат, наверно, встал бы из гроба, если бы узнал, что тот задумал.

– Главное, не забывай, что публика за свои деньги хочет получить полное удовольствие, – сказал Стюбнер. – Мы с тобой договоримся, сколько раундов будет в каждом матче. Вот ты

скоро будешь драться с Летучим Голландцем. Пусть он продержится, скажем, все пятнадцать раундов, а на последнем ты его выбьешь. Так ты и себя сможешь показать.

– Что ж, ладно, Сэм, – ответил Пат.

– Но это рискованная штука, – предупредил Стюбнер. – Может быть, тебе и не удастся уложить его в последнем раунде.

– А вот послушайте! – сказал Пат и, сделав выразительную паузу, торжественно поднял томик Лонгфелло[3]. – Если я его не уложу, никогда в жизни не буду читать стихи! А для меня это не пустяк.

– Знаю, знаю, – радостно согласился менеджер, – хоть и понять не могу, что ты в них находишь!

Пат вздохнул, но промолчал. За всю жизнь он встретил только одного человека, любившего стихи, – ту самую рыженькую учительницу, от которой удрал в лес.

[3] Лонгфелло Генри Уодсворт (1807–1882) – американский поэт и переводчик.

Глава V

– Ты куда собрался? – удивленно спросил Стюбнер, смотря на часы.

Не выпуская дверной ручки, Пат остановился и, обернувшись к Сэму, сказал:

– В научный лекторий. Там сегодня один профессор читает лекцию о Роберте Браунинге[4], а Браунинг такой поэт, что его без объяснений понять нелегко. Вообще я иногда думаю, что не мешало бы мне походить в вечернюю школу.

– Фу, черт! Да ведь ты сегодня дерешься с Летучим Голландцем!

Менеджер был в совершенном ужасе.

– Помню, помню. Но я на ринг раньше половины десятого, а то и без четверти десять не выйду. А лекция кончится в четверть десятого. Хотите, заезжайте за мной на машине для верности.

Стюбнер беспомощно пожал плечами.

– Не бойтесь, не подведу! – успокоил его Пат. – Отец всегда говорил: боксер чувствует себя хуже всего перед самым боем. Люди – часто проигрывали исключительно из-за того, что им перед боем нечего было делать, – только волновались и думали, что будет. А обо мне вам беспокоиться нечего. Вы должны радоваться, что я могу спокойно посидеть на лекции.

В этот вечер во время боя – пятнадцать блестящих раундов – Стюбнер не раз ухмылялся про себя при мысли, что сказали бы любители бокса, если бы знали, что этот изумительный молодой боксер приехал на ринг прямо с лекции о поэзии Браунинга.

Летучий Голландец, швед по происхождению, обладал удивительной напористостью и вместе с тем феноменальной выдержкой. Он никогда не отдыхал, все время шел в нападение и от гонга до гонга осыпал противника градом ударов. С дальней дистанции он молотил кулаками, как цепом, на ближней – изворачивался, толкал плечом и бил как только мог. Он вихрем носился от старта до финиша, оттого и был прозван Летучим Голландцем. Но у него не хватало чувства времени, чувства дистанции. И все же он выигрывал не одно состязание: из града ударов, которыми он осыпал противника, какой-нибудь да попадал в цель. Твердо помня, что ему нельзя нокаутировать Голландца до пятнадцатого раунда, Пат вел нелегкий бой. И хотя ему ни разу не попало всерьез, он должен был вовремя уходить от вихря ударов противника. Но это была неплохая тренировка, и ему такой бой даже доставлял удовольствие.

– Ну, как, можешь его выбить? – шепнул ему на ухо Стюбнер во время минутной передышки в конце пятого раунда.

– Конечно, – ответил Пат.

– Имей в виду, что его до сих пор еще никто не мог нокаутировать, – предупредил Стюбнер еще раунда через два.

– Что ж, придется разбить руку, – улыбнулся Пат – Я-то знаю силу своего удара, и уж если попаду – кому-нибудь крышка: не ему, так моим суставам!

– А сейчас ты мог бы его взять? – спросил Сэм после тринадцатого раунда.

– Да я же вам сказал – в любую минуту!

– Ну, тогда продержи его до пятнадцатого раунда, Пат!

В четырнадцатом раунде Летучий Голландец превзошел самого себя. При первом же ударе гонга он ринулся через весь ринг прямо на Пата, спокойно подымавшегося в своем углу. Публика взревела – Голландец налетел вовсю! Пату стало интересно, и он для забавы решил встретить бешеную атаку только пассивной защитой и ни разу не ударить самому. Он и не уда-

[4] Браунинг Роберт (1812–1889) – имеет репутацию поэта-философа с нарочито усложненным и несколько затуманенным языком. Его излюбленная форма – драматический монолог с пересказом различных исторических эпизодов, полный философских раздумий, воспоминаний, исповеди.

рил ни разу под трехминутным градом ударов. Редко кому приходилось видеть такое искусство защиты: то он просто закрывал лицо левой и живот правой, то, с переменой тактики нападения, менял позицию и обе его перчатки закрывали лицо с двух сторон, или он защищал середину тела локтями. И при этом он делал переходы, то с нарочитой неловкостью выставляя плечо, то налегая на противника, чтобы помешать ему развернуться. Но сам он ни разу не ударил, даже не угрожал ударом, хотя его и покачивало под бешеными кулаками противника, который пытался барабанным градом ударов сломить его защиту. Тот, кто сидел близко к рингу, все видел, все оценил, но остальная публика совсем ничего не поняла, и весь зал, вскочив на ноги, орал и хлопал, думая, что растерявшегося Пата бьют вовсю. Конец раунда – и зрители в недоумении сели, увидев, что Пат как ни в чем, не бывало идет в свой угол. Все решили, что он избит до полусмерти, а ему, оказывается, все нипочем.

– Когда же ты его вышибешь? – с тревогой спросил Стюбнер.

– Через десять секунд, – уверенно бросил Пат. – Вот увидите!

Все было очень просто. Когда Пат при звуке гонга вскочил с места, он явно дал понять, что впервые за весь бой серьезно берется за противника. И зрители это поняли. Понял и сам Летучий Голландец, и когда они с Патом сошлись на середине ринга, он в первый раз за всю свою карьеру на ринге почувствовал нерешительность. Какую-то долю секунды оба стояли друг перед другом в позиции. Потом Летучий Голландец прыгнул на противника, и Пат точным правым кроссом нокаутировал его на прыжке.

После этого матча и началось головокружительное восхождение Пата Глендона на пути к славе. О нем заговорили любители бокса и репортеры спортивных газет. Он первый нокаутировал Летучего Голландца. Он гениально защищался. Все его победы – не просто счастливый случай. У него изумительно работают обе руки. Этот великан далеко пойдет. Нечего ему попусту тратить время на третьесортных боксеров и подставных драчунов, утверждали репортеры. Где Бен Мензис, Ридж Рид, где Билл Таруотер и Эрнст Лоусон? Пора бы им встретиться с этим новичком, который вдруг показал себя таким отличным боксером. И о чем только думает его менеджер, почему не шлет вызовов?

И вдруг в один прекрасный день пришла и слава; Стюбнер открыл секрет: да, его боксер – сын Пата Глендона, Старого Пата, знаменитого героя ринга! Мальчика сразу окрестили Патом-младшим, вокруг него толпились поклонники, репортеры делали ему рекламу в газетах, его превозносили, им восхищались.

Четыре второстепенных претендента на звание чемпиона, начиная с Бена Мензиса и кончая Биллом Таруотером, приняли вызов, и Пат нокаутировал их. Для этого ему пришлось поездить: он дрался в Голдфилде, Денвере, Техасе и Нью-Йорке. Времени на это ушло порядочно, потому что не так легко было организовать серьезные матчи, да и тренировка обоих противников отнимала немало времени.

На второй год у Пата уже была надежная репутация: он победил всех крупных боксеров, которые заступали ему дорогу к званию чемпиона в тяжелом весе. На вершине этой лестницы крепко держался Великий – Джим Хенфорд, непобедимый чемпион мира. По верхним ступенькам Пат подымался уже не так быстро, хотя Стюбнер неутомимо посылал вызовы и подзуживал общественное мнение, чтобы заставить боксеров драться с Патом. С Биллом Кингом Пат расправился в Англии, а за Томом Гаррисоном он гонялся чуть ли не вокруг света, чтобы побить его на Рождество в Австралии.

А призы становились все крупнее и крупнее. Вместо сотни, которую Пат получал за первые выступления, ему платили от двадцати до тридцати тысяч долларов за матч, и столько же он получал от кинокомпаний. Стюбнер брал свой процент как менеджер, согласно условиям контракта, составленного старым Патом; и оба, он и Глендон, несмотря на огромные издержки, постепенно богатели. Деньги накапливались потому, что оба вели здоровую, простую жизнь. Их никак нельзя было назвать расточителями.

Стюбнер интересовался недвижимой собственностью. И Глендону даже не снилось, насколько велико было состояние Сэма, вложенное в постройку доходных домов в Сан-Франциско. Существовал тайный тотализатор, целый синдикат, принимавший ставки на пари, и там довольно точно знали, сколько нажил Стюбнер, да, кроме того, Сэм получал немалые куши от киностудий, но Глендон никогда об этом и не слышал.

Самой главной задачей Стюбнера было держать своего юного гладиатора в полном неведении, и это ему было совсем не трудно. Глендон вовсе не касался деловой стороны бокса, да она его, в сущности, и не интересовала. Куда бы им ни приходилось ездить, Пат все свободное время проводил на охоте или на рыбной ловле. Он мало общался со спортсменами, славился своей застенчивостью и молчаливостью и предпочитал картинные галереи и стихи всяким спортивным разговорам и сплетням. Менеджер строго-настрого приказал его тренерам и партнерам по тренировке держать язык за зубами и ни словом не намекать о сделках и сговорах на ринге. Стюбнер старался изолировать Пата от внешнего мира как только мог. Даже интервьюировали Глендона только в присутствии его менеджера.

И только один раз к Глендону обратились непосредственно. Это было как раз перед ответственной встречей с Гендерсоном: кто-то в коридоре гостиницы сдавленным торопливым шепотом предложил Глендону сто тысяч. К счастью для этого человека, Пат сдержался и, отодвинув его плечом, молча прошел к себе. Он рассказал о встрече Стюбнеру, но тот успокоил его:

– Все подстроено, Пат. Проверить тебя хотели. – Он увидел, как в синих глазах вспыхнул гнев. – А может, и кое-что похуже. Если бы им удалось тебя поймать на взятке, они бы подняли страшный шум в газетах – такая сенсация! – и прикончили бы твою карьеру. Впрочем, я не уверен, что это так. Раньше, в давние времена, действительно в истории ринга такие вещи случались, но сейчас все это отошло в область преданий. Когда-то бывали и подкупы и мошенничество, но в наши дни ни один уважающий себя боксер или менеджер ничего подобного себе не позволит. Пойми, Пат, что бокс такая же чистая и честная игра, как, скажем, профессиональный бейсбол, а ведь чище и честнее бейсбола не найдешь!

Но, уговаривая Пата, Стюбнер отлично помнил, что в предстоящем матче с Гендерсоном будет никак не меньше двенадцати раундов, – так условились с киностудией, – и не больше четырнадцати. Мало того, он знал, что ставки огромные и сам Гендерсон заинтересован в том, чтобы продержаться не более четырнадцати раундов.

А Глендон, к которому больше никто не посмел обращаться, совершенно забыл об этом разговоре и уходил на целые дни заниматься цветной фотографией. Это было его последнее увлечение. Влюбленный в живопись, он сам не умел рисовать, и ему пришлось довольствоваться цветной фотографией. Он всегда возил с собой целый чемодан всяких руководств и подолгу просиживал в темной комнате, учась проявлять и увеличивать. Никогда еще не бывало на ринге знаменитого боксера, который бы так мало интересовался боксом. И оттого, что ему не о чем было говорить со случайными знакомыми, его считали мрачным и необщительным. Отсюда и пошла его газетная репутация – не просто преувеличенная, а уже совершенно ложная. Из всего, что о нем писали, выходило, будто он сильный, как бык, бессмысленно тупой зверь, и один дрянной репортеришка обозвал его как-то Лютым Зверем. Прозвище пошло в ход. Вся пишущая братия подхватила его с восторгом. И с тех пор имя Глендона почти никогда не появлялось в печати без этого прозвища. Часто в заголовках или под фотографиями так просто и писали без фамилии: Лютый Зверь. И весь мир знал, о ком речь. А Пат от всего этого только еще глубже уходил в себя, и в душе его росли горечь и озлобление против газетных писак.

Но к боксу он стал относиться иначе – с гораздо бóльшим интересом. Теперь его противниками были отличные боксеры, и победа доставалась не так легко. Он дрался с избранными мастерами, властителями ринга, и каждый бой был сложной задачей. Случалось, что он никак

не мог выбить их на условленном раунде до самого конца боя. Так было с Сульцбергером, гигантом-немцем: как Пат ни старался, он не смог взять его ни на восемнадцатом раунде, ни на девятнадцатом, и только на двадцатом ему удалось сломить изумительную защиту немца и добиться нокаута. Глендон не только стал находить все больше и больше удовольствия в боксе, он и тренировался все серьезнее и продолжительней. Он не позволял себе никаких излишеств, много времени проводил на охоте в горах и поэтому всегда был в наилучшей форме. Ни разу его карьеру не прерывали несчастные случаи, как бывало с его отцом, ни разу он не раздробил себе сустава, не повредил даже пальца; и Стюбнер со скрытой радостью отметил: его молодой боксер уже перестал говорить, что навсегда вернется в горы, как только отнимет звание чемпиона мира у Джима Хенфорда.

Глава VI

Приближался решающий этап его карьеры. Прославленный чемпион мира открыто заявил о своей готовности встретиться с Глендоном, как только тот победит трех или четырех соперников, которые стояли между ними. За полгода Пат убрал со своего пути Кида Макграда и филадельфийца Джека Макбрайда, ему осталось только победить Ната Пауэрса и Тома Кэннема. И все сошло бы великолепно, если бы одна светская барышня из любви к приключениям не стала репортером, а Сэм Стюбнер не согласился бы дать интервью корреспондентке «Курьер Сан-Франциско».

Она всегда подписывалась «Мод Сенгстер», – кстати, это было ее настоящее имя. Сенгстеры были известные богачи. Основатель семьи, Джейкоб Сенгстер, пришел на Запад с одним одеялом – наниматься в батраки. В Неваде он открыл неистощимые запасы буры и, начав вывозить ее на мулах, со временем, смог построить и собственную железную дорогу. На прибыль с продажи буры он скупил сотни тысяч квадратных миль строевого леса в Калифорнии, Орегоне и штате Вашингтон. Затем он занялся не только делами, но и политикой: подкупал государственных деятелей, судей, занимался политическими махинациями и стал крупнейшим промышленным магнатом. Наконец, он умер в зените славы, разочаровавшись во всем: пусть будущие историки стирают грязное пятно с его имени, а четверо его сыновей передерутся из-за наследства в несколько сот миллионов. Целое поколение калифорнийцев потешалось над боем, который развернулся между наследниками Сенгстера в судах, в промышленности, в политике, посеяв между ними смертельную вражду. Самый младший, Теодор, будучи уже немолодым человеком, вдруг пережил нравственный перелом, распродал все свои скотоводческие фермы и скаковые конюшни и в донкихотской попытке искоренить и изничтожить прогнившую систему, которую ввел старый Джейкоб Сенгстер, с головой ушел в борьбу с продажными заправилами своего родного штата, в том числе и со многими миллионерами.

Мод Сенгстер была старшей дочерью Теодора. В роду Сенгстеров почти все мужчины были задирами, а все женщины красавицами. И Мод не составляла исключения. К тому же она явно унаследовала от предков любовь к приключениям и, не успев вырасти, натворила дел, никак не подобавших барышне ее круга. Замуж она не выходила, хотя такая невеста попадается одна на десять тысяч. Она побывала в Европе, но и оттуда не привезла с собой титулованного супруга. Да и всех своих многочисленных претендентов на родине она тоже отвергла. Мод занималась спортом, стала чемпионом штата по теннису, и вся светская пресса, затаив дыхание, следила за ее выходками: то она на пари прошла пешком из Сан-Матео в Санта-Крус, то вызвала невероятную сенсацию, сыграв в поло на закрытых состязаниях в Берлингеме в составе мужской команды. Между прочим, она увлекалась живописью, и у нее была своя студия в Латинском квартале Сан-Франциско.

Все это не имело особого значения, пока реформаторская блажь папаши не обрушилась и на нее. Гордая и независимая, она до сих пор еще не встретила человека, которому сама подчинилась бы с радостью, а те, кто пытался ее покорить, были ей невыносимо скучны. Возмущенная вмешательством отца в ее жизнь, она бросила бесповоротный вызов общественному мнению и, порвав с семьей, поступила на службу в «Курьер». Начала она с двадцати долларов в неделю, но вскоре стала получать пятьдесят. Она писала главным образом рецензии на спектакли, концерты, выставки, но не отказывалась и от рядовой репортерской работы, если предвиделся интересный материал. Так, например, ей удалось вырвать большое интервью у Моргана, – до нее за ним безуспешно гонялись десятки самых знаменитых нью-йоркских журналистов; так, она в водолазном костюме спускалась на дно залива у Золотых Ворот и летала вместе с Рудом – Человеком-Птицей, когда он побил все тогдашние рекорды на беспосадочный полет, долетев до Риверсайда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.